

История в лицах

Фридрих Краузе ведёт приём. 1930-е годы

Научно-техническая библиотека размещалась в здании заводууправления. 1930-е годы

Жизнь и судьба Фридриха Краузе

«ММ» продолжает публикацию воспоминаний одного из организаторов детского здравоохранения Магнитогорска

«Другие иностранцы, с которыми познакомились позже, были немцы, муж и жена, жившие в гостинице № 1. Он – инженер по коммунальному хозяйству, она – при нём. Мы их не полюбили, так как он был шумлив, вульгарен, речист, уверен в непогрешимости своих суждений. Хотя дело своё, видимо, знал и рассуждал независимо и здраво. На Веру неприятное впечатление произвело то, что жена этого инженера разваливалась на диване, считая, по-видимому, что так небрежно-независимо и надо себя вести в новом социалистическом обществе. «У себя дома в Германии она, небось, никогда не позволила бы себе такого пренебрежения к правилам элементарного такта!» – говорила Вера.

В то время начинали строить первые дома левобережного Соцгорода. В его планировке принимала участие группа молодых немецких архитекторов, учеников известного тогда франкфуртского градостроителя Мая. Мы с ними

познакомились в их общежитии – временном бараке, в котором они жили дружно, почти без всякой мебели. Сидели, ели и спали на пружинных матрацах на полу.

Это были славные интеллигентные ребята. Жили они весело и охотно делились своими наблюдениями и планами

Вере они понравились. Но Соцгород, первый блин, у них всё же вышел комом, так как квартиры в новых домах строились без кухонь, без кладовок, очень тесные. Предполагалось, что они будут служить, главным образом для сна, а вся жизнь будет протекать в общественных столовых, клубах, бельё будут стирать в прачечных, мыться – в бане.

Как только в квартиры въехали первые жильцы, они тотчас же внесли свои «поправки»: в комнатах появились примусы, а новые здания облепили самодельные дощатые и фанерные сарайчики-конурки – ужасное зрелище...

Увлекающихся гигантским новым строительством было очень много среди инженеров, мастеров и рабочих. Многие из них позже – в

1937-1938 годах – тяжело пострадали и исчезли с поля зрения. Но я хорошо помню их горящие глаза и бесконечные страстные разговоры о стоящих домах-гигантах и мартенах, о перспективах Магнитки. Тут мы впервые познакомились с терминологией чёрной металлургии, узнали о всяких скиповых лебёдках, лётках, скрапе, шихте, воздуходувках, о шамоте и динасе, о коксовых печах и многом другом. Всё это создавало совершенно особую атмосферу напряжённой деловитости и радужных мечтаний, дела и фантазии – атмосферу первой пятилетки, немного напоминавшую времена первых лет военного коммунизма. Это было новое будущее, а в Москве, так представлялось нам тогда, мы оставили старое, отжившее и косное. Мы не переставали радоваться тому, что выбрали новый мир! Несмотря на многочисленные трудности, с которыми приходилось сталкиваться, особенно на работе, мы находились в приподнятом праздничном настроении.

Летом 1932-го Вера на прогулках с детьми по окрестностям Берёзок познакомилась с Евгенией Самойловой Кальмеер, женой одного из ведущих администраторов Магнитки. Она была дочерью сибирского миллионера-промышленника и выросла в высшем свете города Иркутска. Евгения Самойловна была умной, высокообразованной женщиной, отлично знавшей несколько европейских языков. Понятно, что они с Верой быстро нашли общий язык, а Евгения Самойловна стала нас почти ежедневно посещать. Она в то время заведовала заводской научно-технической библиотекой, и ей не стоило большого труда убедить Веру поступить туда же на работу – библиографом в иностранный

отдел. Таким образом жена вновь нашла работу по душе и способностям, но в новой для себя области. Здесь она проработала все десять лет до ареста.

Я пытался отговорить Веру от принятия этой должности, связанной с ежедневными длительными поездками на работу, нередко в сильные морозы, метели, жару, так как боялся за её здоровье. Заботило и то, как отразится многочасовое отсутствие матери на двух детях, остающихся дома на попечении домработницы. Предложил Вере попытаться через ту же Евгению Самойловну найти подходящую литературную домашнюю работу вроде переводов или взяться за самостоятельное творчество, например, в области детской книги. Однако Вера решительно отказалась от этого, заявив, что слишком высоко ценит язык Пушкина, Толстого, Чехова, чтобы портить его своими дилетантскими упражнениями.

Вера отлично знала французский и довольно хорошо немецкий язык. На работе ей понадобилось знание английского. Она тотчас же взялась за его изучение. В её распоряжении были элементарные самоучители, над которыми она засиживалась по вечерам. Правда, эти знания не давали правильного произношения. Но для разбора и аннотации статей в английских технических журналах можно было обойтись без знания фонетики. Вера быстро освоилась на новой работе. Она наладила связи с ведущими инженерами комбината, которые помогали в усвоении новых терминов и рабочих процессов, с которыми ей раньше не приходилось иметь дело. Вскоре она завоевала широкую признательность среди инженерной интеллигенции. Специалистам отдельных отрас-

лей металлургии она присылала именнные извещения о вновь вышедших статьях и книгах. А в случаях, когда узнавала о каких-либо трудностях в работе завода или авариях, немедленно подготавливала соответствующую справочную литературу. Оценило Веру и начальство: из всех работников научно-технической библиотеки только она получала зарплату по ставкам инженерно-технических работников и премии. А профком заводууправления постоянно выставлял её портрет в числе ударников производства.

В библиотеке сформировалось крепкое ядро дельных и дружных работников, на которых держалось всё дело

К сожалению, Евгения Кальмеер через три года уехала в Москву, а руководство библиотекой было передано жене влиятельного работника НКВД, в основном интересовавшейся не работой, а своими туалетами. Вера неоднократно резко отзывалась о своей начальнице, и, думаю, эти высказывания сыграли свою роль в преследовании нашей семьи.

Вера, как и я, в домашнем окружении о людях и событиях говорила прямо и открыто, считая это своим гражданским правом, и не допускала мысли, что среди наших друзей могут оказаться дурные люди, специально подсланные. Дорого мы заплатили за эту доверчивость. Но это случилось много позже, после 1937 года, когда мы перестали смотреть через розовые очки на окружавшую нас действительность.»

Материал подготовила
Ирина Андреева,
краевед

Строительство 1-го квартала Соцгорода. 1930-е годы